

72%

6-89

САРИМАЙЗ

Сечер и Пожиратель Душ. Финал

38%

Григорьев Дмитрий

Саримайз

Дмитрий Григорьев

**Саримайз Сечер и
Пожиратель Душ Финал**

«Автор»

2026

Григорьев Д. А.

Саримайз Сечер и Пожиратель Душ Финал / Д. А. Григорьев —
«Автор», 2026 — (Саримайз)

Ренер приходит в себя через полгода. Бремор пропал, Дарс под арестом, островом правит Вишме с проклятым амулетом. Шахтёры рабы, наёмники убивают безоружных. Ренер становится Палачом мстителем в чёрном. В старом бункере он находит искусственный интеллект Нарз, способный видеть весь остров из космоса. В решающей битве открывается правда: Вишме тело Бремора, захваченное демоном жадности. Душа брата заточена в амулете. Молния ударяет в Ренера, наделяя его знаком Хранителя. Демон становится слугой. Ренер освобождает Бремора, но цена жизнь брата. Похороны на скале, клятва возродить остров, охота на банды и новые маски, которые Палач учится надевать. Вторая книга путь от отчаяния к надежде. История о том, как стать чудовищем, чтобы спасти людей, и остаться человеком.

© Григорьев Д. А., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Григорьев

Саримайз Сечер и Пожиратель Душ Финал

Пролог. Дно

Вода лизала его лицо холодными, солёными языками.

Человек открыл глаза. Над ним — чёрное небо, усыпанное звёздами. Где-то далеко кричали чайки, и ветер нёс запах водорослей и смерти. Он лежал на спине, раскинув руки, на мелких острых камнях. Каждый вдох отдавался болью в груди. Каждое движение — простреливающей волной где-то внизу, в ногах.

Он попытался приподняться — и едва не закричал. Левая нога не слушалась. Что-то хрустнуло внутри, острое, чужое. Плечо тоже болело — тупая, ноющая боль, словно кто-то вбил туда раскалённый гвоздь.

Он опустил обратно на камни и закрыл глаза.

В голове шумело. Сквозь этот шум пробивались обрывки — лица, голоса, крики. Женское лицо, искажённое звериным оскалом. Когти. Красные глаза. Потом — удар. Мотоцикл, врезавшийся на полном ходу. Полёт. Удар о скалу. Темнота.

Он лежал и слушал, как волны разбиваются о камни. Где-то наверху, за скалой, горели две звезды — Хамфа и Храм. Он не видел их — только чувствовал, как их свет, багровый и голубоватый, пробивается сквозь закрытые веки.

Раньше, в детстве, мать учила его: «Хамфа дарует тепло. Храм — свет. Проси у них, когда трудно. Они услышат». Она говорила это каждое утро, когда они выходили из дома и смотрели на небо. Она поднимала руку, и дети повторяли за ней. «Хамфа, дай нам тепло. Храм, дай нам свет». Это было просто. Это было правильно. Это было до того, как всё сломалось.

Он не молился с тех пор, как умерла мать. Но сейчас, на дне, среди камней и соли, губы сами зашевелились.

— Хамфа... дай мне силы, — прошептал он. — Храм... дай мне свет.

Ответа не было. Только ветер и волны. И где-то далеко — крик чайки.

Он повернул голову в сторону. И замер.

Рядом, в нескольких сантиметрах от его правой руки, лежал амулет.

Тёмный металл с красноватыми вкраплениями, поблёскивающий в звёздном свете. Цепочка порвалась — видимо, при падении. Но сам амулет был цел. Невредим. Словно ничего и не случилось.

Человек протянул руку. Пальцы дрожали.

Он коснулся холодного металла.

И мир взорвался.

Тепло хлынуло в него, как река, прорвавшая плотину. Не горячее, не обжигающее — тёплое, живое, пульсирующее. Оно потекло по руке, вверх, к плечу, к груди, а оттуда — вниз, к сломанной ноге.

Он выгнулся дугой, вцепившись в амулет мёртвой хваткой. Хотел закричать, но не смог — воздух застрял в лёгких. Кости срастались. Он слышал хруст — не страшный, не болезненный, а какой-то правильный, завершающий. Тепло скользило по телу, залечивая разрывы, стягивая раны, выталкивая осколки камней, застрявшие в мышцах.

Минута. Две. Вечность.

Когда всё закончилось, он лежал на спине, глядя в небо, и дышал ровно и глубоко. Боль ушла. Слабость осталась, но тело снова слушалось.

Он медленно сел. Сжал и разжал пальцы на ногах. Нога работала. Плечо работало. Он поднялся — шаг, второй, третий. Пошатнулся, но устоял.

И тогда свет звёзд упал на его лицо.

Вишме.

Чемпион Арены. Двухметровый гигант, принадлежащий к древней расе Долголетов. Тот, кто не знал поражений на песке. Тот, чьё имя знал каждый житель острова. Тот, кто был богат, знаменит и одинок. Тот, кто только что потерял сестру.

Он стоял на камнях, тяжело дыша, и смотрел на амулет в своей руке. Металл больше не был холодным. Он был тёплым — как живое существо. Как сердце.

— Что ты такое? — прошептал он.

И услышал ответ.

Не голос — шёпот. Тысячи шёпотов, слитых в один. Древний, усталый, но полный силы.

«Я — Пожиратель Душ. Я даю силу тем, кто достоин. Ты — достоин, Вишме Торн. Твоя сестра не смогла. Ты сможешь».

Вишме замер. Сердце стучало как бешеное. Он смотрел на амулет и чувствовал, как что-то внутри него — что-то древнее, тёмное — просыпается. Что-то, что всегда было там. С самого детства. С первой драки на Арене. С первого убийства.

— Ты говоришь со мной? — спросил он вслух, понимая, как глупо это звучит. — Я... я сошёл с ума?

«Ты не сошёл с ума. Ты прозрел. Я всегда говорю. Но слышат меня только избранные. Надень меня. Стань хозяином. И ты получишь всё, что захочешь».

Вишме посмотрел на амулет. Тот мерцал в темноте, переливаясь багровым. Как Хамфа на рассвете. Как кровь на камнях.

Он поднял его, застегнул цепочку на шее. Амулет лёг на грудь, как живой — тёплый, пульсирующий, почти дышащий.

«Хорошо, — прошептал голос. — Теперь мы одно».

Вишме поднялся на ноги. Ноги держали. Он осмотрелся. Скала нависала над ним — чёрная, огромная, безмолвная. Где-то там, наверху, остались Стара, Ренер, Бремор. Где-то там — правда, которую ему предстояло переписать.

Он поднял голову к небу. Хамфа и Храм смотрели на него — равнодушные, вечные.

— Я вернусь, — сказал он им. — И я всё исправлю.

Он пошёл пешком. Церта не было — он разбился при падении, или его забрали. Неважно. Дорога до города была долгой, но он не чувствовал усталости. Амулет давал силы. Амулет давал тепло. Он шёл по ночным улицам, мимо спящих домов, мимо редких фонарей, и думал о том, что скажет Совету. О том, как потребует справедливости. О том, как заставит их всех заплатить.

Амулет на груди пульсировал в такт сердцу.

«Да, — шепнул голос. — Иди. А потом — к власти».

Глава 1.

Возвращение

Он шёл по ночным улицам, и город, который он знал всю жизнь, казался чужим.

Сечер изменился за те несколько часов, что он провёл на камнях у скалы. Или это он сам изменился? Улицы казались уже, дома — ниже, люди — незаметнее. Хотя людей в этот час почти не было. Только редкие прохожие, торопящиеся домой, да одинокие фонари, разгоняющие тьму багровым светом. Вишме смотрел на них и чувствовал странное. Раньше он видел в них подданных — людей, которые платят за зрелище, которые смотрят на него с трибун Арены. Теперь — ресурс.

Амулет на груди пульсировал ровно, спокойно. Он больше не говорил — просто был. Тёплый металл, живое биение, ощущение силы, разлитой по телу.

Вишме свернул к южному району.

Особняк встретил его темнотой и тишиной.

Ворота были опечатаны — лентами Департамента безопасности, с сургучными печатями. Кто-то уже побывал здесь: дверь приоткрыта, окна на первом этаже распахнуты, внутри — следы чужих ног. Вишме сорвал печати, не глядя. Вошёл внутрь.

В гостиной всё было перевёрнуто. Мебель сдвинута, ящики выдвинуты, картины сорваны со стен. Ищейки Департамента — или те, кто выдавал себя за них, — рылись в его вещах. Искали что-то. Документы? Деньги? Компромат?

Вишме прошёл дальше, не останавливаясь. Он знал, что они не нашли. Не могли найти.

Тайник был в старом колодце, заросшем плющом, — там, где никто, кроме него и Стары, не догадался бы искать. Вишме спустился вниз по скользким камням, отодвинул ржавую решётку и оказался в подвале собственного дома.

Здесь было темно и сыро. Пахло плесенью и землёй. Луч фонаря на запястье выхватил из темноты старые ящики, покрытые паутиной.

Вишме прошёл в дальний угол, отодвинул тяжёлую плиту в стене. За ней — тайник.

Деньги. Много денег — золото, серебро, цинтитовые пластины. Документы на шахты, на Арену, на особняк. Контракты с торговыми партнёрами. Оружие — пистолеты, ножи, несколько цинтитовых дубинок. И главное — список членов Совета с их тайнами, слабостями, грехами.

Он собирал это всё годы. На чёрный день. Думал, что этот день никогда не наступит.

— Наступил, — сказал он вслух.

Амулет на груди потеплел.

«Да, — прошептал голос. — Твоя сестра мертва. Её убили. И ты знаешь кто».

Вишме замер. Перед внутренним взором встало лицо Стары — не искажённое звериным оскалом, а настоящее, живое, каким оно было в детстве. Она смеялась. Она была счастлива. Она учила его молиться Хамфе и Храму — «проси тепла и света, братик, и они услышат».

— Ренер, — прошептал он. — Детектив. Он ударил её своим оружием. Я видел.

«Нет, — голос стал тише, заговорщицким. — Ты видел, как он ударил в амулет. Но амулет не сломался. А твоя сестра... она была слаба. Она не стала хозяйкой. Ты — станешь».

Вишме закрыл глаза. В груди что-то сжалось — старое, забытое. То, что он давно похоронил под слоями ярости и честолубия. Он вспомнил, как Стара держала его за руку, когда они были детьми. Как она говорила: «Мы всегда будем вместе. Своих не бросаем».

— Я отомщу за неё, — сказал он твёрдо.

«Отомстишь. Но сначала — возьми власть. Без власти твоя месть ничего не стоит».

Вишме кивнул. Он не спрашивал, кто говорит с ним. Не пытался понять, что это за голос. Он просто принимал его — как принимают силу, данную свыше. Как принимают свет Хамфы на рассвете — не думая, откуда он.

Он сел на ящик, достал из тайника планшет и начал писать письма. Тем, кто должен был стать его союзниками. Тем, кого можно было купить. Тем, кого можно было запугать.

Первый адресат — глава Совета.

«Уважаемый Совет острова Сечер. Я, Вишме Торн, чемпион Арены и брат убитой советницы Стары Торн, требую справедливости...»

Амулет на груди потеплел.

«Хорошо, — прошептал голос. — Ты учишься быстро».

Когда первые лучи Хамфы окрасили небо в багровое, Вишме вышел из тайного хода.

В руках — кейс с документами. На шее — амулет. В глазах — сталь.

Он подошёл к главным воротам своего особняка, сорвал оставшиеся печати Департамента и открыл их настежь.

Через два часа — представители Совета. Через три — толпа, жаждущая зрелищ.

Вишме Торн вернулся.
И остров содрогнётся.

Глава 2.

Чемпиона

Небо над Сечером никогда не знало солнца.

Вместо него две звезды — Хамфа и Храм — вели свой вечный, медленный танец. Хамфа, огромная, багровая, висела низко над горизонтом, заливая мир тяжёлым красноватым светом. Храм, поменьше, холодный и голубоватый, поднималась следом, смешивая лучи в причудливую, нездоровую палитру. Утра в привычном смысле не было — просто ночная тьма постепенно сменялась багрово-синим сумраком, в котором тени становились длинными и рваными.

Вишме сидел на ящике в подвале собственного дома и смотрел, как свет Хамфы пробивается сквозь щели в потолке. Тонкие багровые полосы ложились на пол, на стены, на его руки. Он поднял ладонь — свет прошёл сквозь пальцы. Тёплый. Живой.

«Хамфа, дай мне тепло. Храм, дай мне свет», — вспомнил он. Мать говорила это каждое утро. Каждое. Даже когда они голодали. Даже когда отец не вернулся с шахты. Даже когда Стара заболела и лежала в жару три дня.

Он опустил руку. Время молитв прошло. Пришло время действий.

Пальцы двигались уверенно — он знал здесь каждый ящик, каждую папку. Годы подготовки. Годы наблюдений. Годы ненависти, спрятанной под улыбкой чемпиона.

Список членов Совета. Семь имён. Семь человек, которые управляли островом — точнее, делали вид, что управляли. На самом деле власть давно принадлежала тем, у кого были деньги. Шахтовладельцам. Торговцам. И ему — чемпиону Арены, чьё имя знал каждый ребёнок.

Эрт Клосс — председатель. Дряхлый долголет, которому давно пора на покой. Должен отцу Вишме триста тысяч цинов. Никогда не вернёт. Но долг есть долг — и Клосс это знает.

Мира Восс — единственная женщина в Совете. Её муж был шахтовладельцем. Разорился после бунта — того самого, что случился двенадцать лет назад. Она ненавидит семью Торнов. Её не купить. Но можно запугать. Или убить.

Торн-однофамилец — трус. Проголосует как скажут. Всегда.

Лир, Бост, Крэг, Хан — каждый что-то скрывает. Каждый должен. Каждый боится.

Этого достаточно. Четырёх он купит. Двоих запугает. Одна останется — Мира. Но с ней он разберётся позже.

Планшет в руках. Первое письмо — Клоссу. Личное. Короткое.

«Председатель. Мне нужна встреча. Сегодня. Вишме».

Второе — Лиру. Третье — Босту. Четвёртое — Крэгу. Пятое — Хану. Шестое — Торну-однофамильцу. Каждое — с намёком. Каждое — с угрозой, спрятанной под вежливостью.

Седьмое письмо он писать не стал. Мира Восс не ответит. Мира Восс — проблема, которую придётся решать иначе.

Амулет на груди пульсировал ровно, спокойно. Он больше не говорил — просто был. Тёплый металл, живое биение. Вишме чувствовал его силу — не физическую, а другую. Глубинную. словно внутри него открылся колодец, из которого можно черпать бесконечно.

К полудню письма были отправлены. Через старый терминал в подвале — тот самый, что не был подключён к сети Департамента. Терминал работал. Это было хорошо.

Вишме поднялся наверх.

Особняк встретил его тишиной. Разгромленная гостиная, сорванные картины, выдвинутые ящики. Ишейки Департамента рылись здесь, но ничего не нашли. Не могли найти.

Кабинет отца. Здесь всё было перевернуто, но это не имело значения. Вишме подошёл к окну, выглянул на улицу.

Город жил своей жизнью. Люди шли по улицам — серые, усталые, напуганные. Они не знали, что произошло на скале. Не знали, что Стара мертва. Не знали, что Вишме вернулся другим человеком.

Он смотрел на них и чувствовал, как внутри поднимается что-то холодное, тяжёлое. Не гнев. Не ярость. Что-то более глубокое. Что-то, чему он не мог дать названия.

«Это власть, — прошептал голос в голове. — Ты чувствуешь её. Она — твоя. Ты просто ещё не взял её».

Вишме отвернулся от окна.

Газеты. Три издания, три редактора, три рычага.

«Глас Сечера» — официальная, при Совете. «Шахтёрская правда» — дешёвая, для рабочих. «Новости дня» — жёлтая, скандальная, самая читаемая.

Вишме знал всех троих. Встречался на банкетах, делал пожертвования, иногда угрожал. Пришло время собирать долги.

Планшет. Первое письмо — Терну, в «Новости дня».

«Уважаемый господин Терн. Моя сестра, советница Стара Торн, была зверски убита. Я требую, чтобы правда была донесена до каждого жителя Сечера. Я буду ждать вашего корреспондента сегодня в десять утра».

Второе — в «Глас Сечера».

«Уважаемый Совет. Я требую встречи. Сегодня. В полдень. Иначе я сам приду к вам».

Третье — в «Шахтёрскую правду». Короткое, без лишних слов.

«Бывшим шахтёрам — работа. Бывшим должникам — прощение. Всем, кто поддержит меня — будущее. Жду в особняке. Вишме Торн».

Амулет зашевелился, зашептал:

«Умно. Газеты — это голос толпы. Совет — это власть. Шахтёры — это сила. Ты берёшь всё и сразу».

— Беру, — кивнул Вишме. — Но не сразу. Сначала я должен выглядеть жертвой.

«Ты и есть жертва. Твою сестру убили. Ты чудом выжил. Ты требуешь справедливости. Ты — герой».

— Я — герой, — повторил Вишме, примеряя слово, как новую одежду. — А кто убийца?

«Детектив Ренер. Его Дром в груди твоей сестры. Его отпечатки. Его вина».

— Но он был не один. Бремор. Капитан Дарс.

«Бремор пропал. Капитан защищает своего подчинённого. Ты должен изолировать Дарса. А Ренер... Ренер при смерти. Говорят, он без сознания, и врачи не уверены, выживет ли. Это удобно. Ты можешь назначить его виновным, пока он не может ответить. А если выживет...»

— Если выживет, я сам с ним разберусь, — закончил Вишме.

Амулет одобрительно загудел.

К десяти утра у ворот особняка уже толпились люди.

Вишме наблюдал за ними из окна второго этажа. Корреспонденты — худой, нервный человек в дешёвом пальто, важный толстяк в дорогом костюме, молчаливый сутулый мужчина с блокнотом. Терн, Лим и Крох. Все трое.

Зеваки — торговцы, грузчики, женщины с корзинами. Они не знали, зачем пришли. Просто хотели посмотреть.

Вишме спустился вниз. Чёрный костюм, строгий, без излишеств. Повязка на руке — синяки, оставшиеся после падения, он не скрывал. Они работали на образ. Жертва. Человек, который чудом выжил. Человек, который требует справедливости.

Амулет был спрятан под рубашкой, но его тепло грело грудь.

Он вышел на крыльцо.

Толпа загудела. Кто-то узнал его, кто-то ахнул, кто-то просто уставился. Вишме поднял руку — и гул стих.

— Господа, — сказал он, и голос его разнёсся над двором. — Спасибо, что пришли. У меня нет сил говорить долго. Я только что потерял сестру.

Терн тут же достал блокнот. Лим важно кивнул. Крох молчал, но смотрел внимательно. За их спинами толпа придвинулась ближе.

— Что вы хотите сказать жителям Сечера? — спросил Терн, пальцы его летали по страницам.

Вишме сделал паузу, опустил голову, словно собираясь с мыслями. Когда он поднял её, в глазах стояли слёзы — настоящие или нет, никто не понял.

— Я хочу, чтобы убийцу моей сестры нашли и наказали. Я хочу, чтобы Департамент безопасности работал честно, а не прикрывал своих. Детектив Ренер, чей Дром убил Стару, сейчас лежит в больнице при смерти. Капитан Дарс, его начальник, оплачивает его лечение. А приёмный сын Дарса — Бремор, напарник Ренера — пропал без вести. И поиски его, по слухам, уже сворачивают.

Лим нахмурился.

— Вы обвиняете капитана Дарса в сокрытии улики?

— Я ничего не обвиняю. Я прошу правды. И справедливости. Для моей сестры. Для всех, кто пострадал от произвола.

Крох из «Шахтёрской правды» неожиданно подал голос:

— А что вы сделаете для шахтёров? Многие потеряли работу после того, как ваша семья...

— После того, как моя семья купила шахты? — перебил Вишме, не дав ему договорить.

— Я не отвечаю за дела отца. Но я отвечаю за будущее. Я вложу деньги в шахты. Я создам рабочие места. Я сделаю так, чтобы ни один человек на этом острове не голодал.

Он говорил громко, чтобы слышали все. А их было уже не три человека — двадцать, тридцать, пятьдесят. Люди шли, услышав, что чемпион делает объявление.

— Стара мечтала, чтобы Сечер процветал! — крикнул Вишме, обращаясь уже не к корреспондентам, а к толпе. — Я сделаю её мечту реальностью! Клянусь!

Толпа загудела. Кто-то захлопал. Кто-то выкрикнул: «Вишме — наш чемпион!»

«Хорошо, — прошептал амулет. — Очень хорошо. Толпа любит тебя. Теперь — Совет».

В полдень Вишме вошёл в здание Совета.

Массивные двери, мраморные полы, высокие потолки. Запах дорогих сигар и старых денег. Семь советников за длинным столом во главе с председателем — дряхлым долголетом по имени Эрт Клосс.

За спиной Вишме стояли двое — телохранители, которых он нанял ещё до падения. Молчаливые, в чёрном, с цинтитовыми дубинками на поясах. Он не был правителем. Но он был богат. А богатые люди могут позволить себе охрану.

— Господин Торн, — Эрт приподнял бровь, глядя на охрану. — Мы не ожидали... такого сопровождения.

— Это не сопровождение, — Вишме сел на свободный стул, даже не спросив разрешения. — Это гарантия моей безопасности. Мою сестру убили. Я не хочу быть следующим.

Советники переглянулись.

— Мы соболезнуем вашей утрате, — сказала Мира Восс, седая женщина с острыми чертами лица. — Но вы должны понимать, что ваши обвинения в адрес Департамента...

— Мои обвинения? — Вишме подался вперёд. — Я никого не обвиняю. Я требую расследования. Независимого. Без Дарса. Без его людей. Иначе я сам найду правду. И тогда...

Он замолчал, давая словам повиснуть в воздухе.

Эрт Клосс покачал головой.

— Вы не имеете права диктовать Совету условия, господин Торн.

— Имею. — Вишме расстегнул пиджак, достал папку и бросил её на стол. — Здесь — контракты, которые ваши семьи подписывали с моим отцом. Здесь — долги, которые вы до сих пор не выплатили. Здесь — обещания, которые вы не сдержали.

Советники замерли.

— Я не хочу ссориться с вами, господа. Я хочу сотрудничать. Я вложу деньги в остров. Я подниму шахты. Я сделаю вас богаче. Но я должен быть уверен, что убийца моей сестры не уйдёт от правосудия. А для этого Дарс должен уйти.

Тишина.

Эрт Клосс медленно взял папку, открыл, пробежал глазами. Лицо его пожелтело ещё больше.

— Что вы хотите? — спросил он наконец.

— Отстранения капитана Дарса. Назначения нового главы Департамента. И полного доступа к делу об убийстве Стары.

— Это невозможно, — подала голос Мира Восс. — У нас нет оснований...

— Есть. Дарс лично заинтересован в деле. Его приёмный сын пропал. Его лучший детектив — подозреваемый. Это конфликт интересов. И вы это знаете.

Он встал.

— Я даю вам три дня. Потом я обращусь к народу. И народ, господа, не такой терпеливый, как я.

Он развернулся и вышел, не прощаясь.

Телохранители задвинулись за ним, как тени.

В коридоре, уже у выхода, амулет зашептал:

«Они согласятся. У них нет выбора. Ты держишь их за горло».

— Знаю, — ответил Вишме, выходя под багрово-синее небо двух звёзд. — Теперь — ждать.

Толпа у ворот Совета встретила его криками. Люди несли плакаты с его именем. Кто-то бросил цветы к его ногам.

Вишме поднял руку, и толпа замолчала.

— Я буду бороться за вас. За каждого. За шахтёра, за торговца, за бедняка. За справедливость. Клянусь!

Крики. Аплодисменты. Слезы.

Амулет на груди пульсировал.

«Ещё немного, — шепнул он. — Ещё немного — и весь остров будет твоим».

Глава 3.

Рычаги

Три дня Вишме провёл в трудах.

Кабинет отца стал его штабом. Запах старых сигар вьёлся в шторы и кресла — Вишме не стал его выветривать. Пусть напоминает. На столе — три газеты. «Новости дня» кричали о справедливости, «Глас Сечера» осторожничал, «Шахтёрская правда» отдалась короткой строкой. Терн сработал чисто. Лим выжидал. Крох ещё пригодится.

Демон молчал с утра. Но Вишме чувствовал его присутствие — не как тепло, не как биение. Как чужую мысль, которая вот-вот станет твоей. Она сидела где-то на дне сознания, ждала.

— Ты здесь? — спросил Вишме вслух.

«Всегда, — ответил голос. — Я всегда здесь. Ты просто не всегда слушаешь».

Вишме отложил газеты и взялся за письма. Клоссу — короткое, личное. Лиру, Босту, Крэгу, Хану, Торну-однофамильцу — каждому своё. С намёком. С угрозой, спрятанной под вежливостью.

«Ты не пишешь Восс, — заметил демон. — Почему?»

— Она не ответит.

«Она опасна».

— Знаю. Поэтому — потом.

«Ты учишься, — голос стал мягче, почти одобрительным. — Вчера ты думал о ней с яростью. Сегодня — с расчётом. Это я. Это моё».

Вишме замер. Перо застыло над бумагой.

— Ты меняешь меня.

«Я открываю тебя. Ты всегда был таким. Просто прятал это даже от себя».

К полудню письма ушли через старый терминал в подвале.

Крох пришёл на третий день.

Мягкий пиджак, пятна типографской краски на пальцах, близорукие глаза за стёклами очков. Он сел на краешек стула, втянув голову в плечи.

Вишме не стал ходить вокруг да около.

— Ты напишешь статью. О том, что я спасу шахтёров. О том, что Дарс — коррупционер. О том, что Ренер — убийца.

Крох сглотнул.

— Господин Торн... улики нет...

— Будут. — Конверт лёг на стол. — Твоя дочь учится на Урте. Дорогое обучение. Я оплачу его до конца. Газету не закроют.

Конверт исчез во внутреннем кармане. Пальцы редактора дрожали.

— Когда?

— Завтра утром. Чтобы каждый шахтёр прочитал.

Крох ушёл, не попрощавшись.

«Он боится тебя, — сказал демон. — Но не уважает. Пока».

— Уважение придёт. Или не придёт. Мне всё равно.

«Вот это мне нравится, — демон усмехнулся. — Раньше ты искал любви. Теперь ищешь власти. Это правильный путь».

Совет собрался на четвёртый день.

Вишме пришёл без приглашения — с телохранителями, в чёрном костюме, с повязкой на руке. Синяки почти сошли, но повязку он оставил. Пусть видят. Пусть помнят, что он тоже пострадал.

— Вы не имеете права, — начала Мира Восс. — Это закрытое заседание.

— Всё, что касается убийства моей сестры, — открытое. — Вишме сел на свободный стул, не дожидаясь разрешения. — Я имею право знать, как Совет собирается восстанавливать справедливость.

Эрт Клосс кашлянул в кулак. Дряхлый долголет, он выглядел так, будто вот-вот рассыплется, но глаза оставались острыми.

— Ваше требование об отстранении Дарса... небесспорно.

— Капитан оплачивает лечение человека, который убил мою сестру. Его приёмный сын — напарник убийцы — пропал. Что здесь «небесспорно»?

Он обвёл взглядом советников. Каждого знал. Каждого держал за горло.

— Я требую правосудия. Но если Совет не в состоянии его обеспечить — я обращаюсь к народу. А народ слушает чемпионов.

Тишина.

Клосс переглянулся с остальными.

— Мы проголосуем через два дня.

Вишме кивнул и вышел.

«Ты видел их лица? — демон говорил быстро, возбуждённо. — Клосс уже сдался. Восс осталась одна. Остальные — твои. Ты чувствуешь это? Чувствуешь, как они боятся?»

— Чувствую, — ответил Вишме. И это было правдой. Он чувствовал их страх — почти физически. Как тепло. Как запах. Как что-то, что можно взять в руки.

«Это власть, — прошептал демон. — Настоящая. Не та, что дают титулы. Та, что даётся страхом».

Больница пахла спиртом и лекарствами.

Ренер лежал в палате интенсивной терапии. Бледное лицо, впалые щёки, трубки, провода. Он выглядел моложе, чем на фотографиях. Почти мальчишка.

Вишме стоял и смотрел.

«Боишься, что очнётся?»

— Хочу, чтобы очнулся. Чтобы увидел, что я сделал.

«А если он расскажет правду? О том, что случилось на скале?»

Вишме замер. Он не думал об этом.

— Никто не поверит ему. Он убийца. Он был без сознания. А я — чемпион.

«Ты уверен?»

Вишме не ответил. Но в груди что-то сжалось — холодное, неприятное. Демон замолчал, но не ушёл. Просто ждал.

В коридоре его перехватил врач — пожилой, в очках, с усталыми глазами.

— Посетители не допускаются...

— Этот человек — убийца. Но я хочу, чтобы он жил. Лечите его. Любыми средствами. Счёт пришлите мне.

Врач опешил, но спорить не стал.

На пятый день газеты вышли с новыми заголовками. «Новости дня» кричали о коррупции, «Глас Сечера» осторожничал, «Шахтёрская правда» — та, которую читали рабочие, — напечатала: «Ренер — убийца. Дарс — его сообщник. Вишме — наша надежда».

Вишме читал за завтраком. Кофе — настоящий, с Урта. Демон молчал — но это молчание было другим. Не отсутствием. Присутствием. Он ждал, что Вишме скажет первым.

— Завтра голосование. Клосс согласился.

«А Восс?»

— Будет против. Но её голос ничего не решит.

«Ты уверен, что её нужно оставлять в живых?»

Вишме отставил чашку.

— Она — советница. Её смерть вызовет вопросы.

«Вопросы вызывают слабые. Сильные — не оставляют свидетелей».

Вишме молчал. Демон не настаивал. Просто сказал — и замолчал. Пусть подумает.

В шахтёрский район он поехал один.

Церт оставил на окраине, дальше пошёл пешком. Улицы здесь были узкими, дома — низкими, окна — забитыми досками. Пахло цинтитовой пылью и сыростью. Люди узнавали его. Шептались. Прятались.

На площади — старой, вытоптанной, с колодцем в центре — собралась толпа. Не по приказу. Просто услышали.

Вишме поднял руку.

— Я пришёл не врагом. Я пришёл помочь.

Из толпы выкрикнули:

— Твой отец загнал нас в долговую кабалу! Чего ты хочешь?

Старик. Седой, сгорбленный, с чёрными лёгкими. Торк. Тот, кто пережил три обвала и потерял двух сыновей.

— Я хочу, чтобы вы работали. Но не за еду, а за деньги. Чтобы ваши дети не умирали от голода. Чтобы у вас был дом и будущее.

Пауза.

— Я вложу в шахты миллионы. Построю новые бараки. Дам медицину. Но требую одного — работы. Честной работы. А вы дадите мне прибыль. И тогда мы все станем богаче.

Толпа молчала. Потом кто-то захлопал. Один. Другой. Третий.

— Завтра придут новые контракты. Подпишете — начнётся новая жизнь. Не подпишете — найду других.

Он развернулся и пошёл прочь. Толпа расступалась перед ним.

«Ты дал им надежду, — сказал демон. — А надежда — лучшая узда. Сегодня они хлопают. Завтра — будут работать. Послезавтра — бояться тебя потерять. И тогда они твои».

— Я знаю.

«Ты многому научился, Вишме. Быстрее, чем я думал».

Вишме сел в Церт, запустил двигатель. Две звезды — Хамфа и Храм — заливали землю багрово-синим светом.

Демон молчал. Но Вишме чувствовал его присутствие — сильнее, чем раньше. Он больше не был гостем в его голове. Он был частью. И с каждым днём эта часть становилась всё больше.

Внизу, в больнице, Ренер лежал неподвижно.

А где-то в океане, на камнях у подножия скалы, волны лизали пустой берег. Тело Бремора так и не нашли.

Никто не знал, жив ли он.

Амулет знал.

И молчал.

Глава 4.

Падение

Голосование прошло без Вишме.

Он ждал в особняке, в кабинете отца, глядя на город через окно. Хамфа висела низко — багровая, тяжёлая, заливая улицы красноватым светом. Где-то внизу, в здании Совета, решалась судьба Дарса. Вишме не сомневался в исходе. Но ждал.

Демон молчал. Он больше не говорил постоянно — научился ждать вместе с ним. Но его присутствие стало плотнее. Оно давило на мысли, как чужая рука на плечо. Не больно. Но ощутимо.

«Ты нервничаешь, — сказал демон наконец. — Зачем? Ты уже победил».

— Я не нервничаю. Я жду.

«Это одно и то же».

Вишме не ответил. Он смотрел на улицу и думал о том, что скажет Дарс, когда узнает. Что скажут его люди. Что скажет город.

Записка пришла через час. Короткая, на клочке бумаги, написанная рукой Клосса: «Решение принято. Дарс отстранён. Стур — новый глава. Всё, как вы хотели».

Вишме скомкал бумагу и бросил в камин. Огонь вспыхнул, пожрал её — и погас.

— Первый шаг, — сказал он вслух.

«Первый из многих, — отозвался демон. — Теперь — Дарс».

Капитан Дарс узнал о своём отстранении от Штама.

Детектив вошёл в его кабинет без стука — бледный, с планшетом в руках. Штам был из тех, кто не стучит, когда новости плохие.

— Капитан. Вы должны это видеть.

Дарс прочитал официальное сообщение дважды. Потом снял очки, протёр стёкла — медленно, тщательно, будто это могло что-то изменить. Не могло.

— Значит, Вишме добился своего, — сказал он тихо. — Быстрее, чем я думал.

За спиной Штама стояли Дот и Сур — те, кому Дарс доверял больше всего. Дот — молодой, но уже с жесткой складкой у губ. Сур — старый, с вечно хмурым лицом и руками, которые не дрожали.

— Что нам делать? — спросил Штам.

— Вам — ничего. Вы продолжаете работать. Департамент нужен городу, даже если им руководят марионетки. А я... я поеду домой. Пока не вызовут.

— Они не посмеют, — выдохнул Сур.

— Посмеют. Вишме посмеет. У него теперь есть власть. И, похоже, он знает, как ею пользоваться.

Дарс обвёл взглядом своих людей — трое из двадцати. Остальные уже переметнулись или ждали, чья возьмёт.

— Берегите себя. И берегите Ренера. Он — единственный, кто может всё рассказать, если очнётся.

— А Бремор? — тихо спросил Дот.

Дарс замер. Глаза его на мгновение стали пустыми — старыми, полными боли.

— Бремора нет. Мы его не нашли. И уже не найдём. Вишме позаботится об этом.

Он вышел из кабинета, не оглядываясь.

Дом встретил его тишиной.

Ворота закрылись за спиной с привычным щелчком. Дарс прошёл в гостиную, сел в кресло у камина. Огня не было — на Саримайзе всегда тепло. Но он смотрел на пустой очаг и чувствовал холод.

— Нарз, — позвал он.

— Я здесь, — отозвался искусственный интеллект. Голос шёл из стен, из потолка, из пола — вездесущий, спокойный. — Я знаю. Вишме добился отстранения.

— Ты следил?

— Я всегда слежу. И я заметил кое-что ещё.

— Что?

— В доме установлены прослушивающие устройства. Три штуки. Два я уже обезвредил. Третий оставил — чтобы они думали, что всё в порядке.

Дарс усмехнулся — горько, безрадостно.

— Хоть ты не подводишь, Нарз.

— Я всегда на твоей стороне. Ты же знаешь.

Капитан закрыл глаза. В голове крутились мысли — о Ренере в коме, о Бреморе, которого больше нет, о Старе, которую он считал невинной, о Вишме, который оказался хитрее, чем они думали.

— Что мне делать? — спросил он шёпотом.

— Ждать, — ответил Нарз. — Ренер очнётся. Я верю в это. А пока — собирай информацию. Вишме не идеален. У него есть слабости.

— Какие?

— Он один. У него нет семьи, нет друзей, нет союзников, которым он мог бы доверять. Только амулет. А амулет — это не человек.

Дарс открыл глаза.

— Откуда ты знаешь про амулет?

— Я много чего знаю. Моя память восстанавливается. И я начинаю понимать, что драхмы — это не просто артефакты. Это оружие. Очень древнее и очень опасное. Вишме не контролирует амулет. Амулет контролирует Вишме. Рано или поздно это его погубит.

— Надеюсь, не слишком поздно, — прошептал Дарс.

Через два дня в дом пришли.

Не патрульные — наёмники. Четверо в чёрной униформе, с цинтитовыми дубинками и пистолетами. Они не стучали — просто вошли, потому что замки уже были взломаны электронным ключом.

— Капитан Дарс Крам, — сказал старший, здоровенный детина с татуировкой на лице. — Вы арестованы по обвинению в превышении должностных полномочий, сокрытии улик и препятствовании расследованию.

Дарс вышел к ним в гостиную. Спокойный — настолько, что наёмники на мгновение замялись.

— Я не сопротивляюсь. Но требую адвоката.

— Адвокат будет, — усмехнулся детина. — Если Совет его одобрит.

— Куда мы?

— Домашний арест. Ты будешь сидеть в своём доме до суда. А суд... — он усмехнулся, — будет нескоро.

Дарс остался в доме. Но теперь его дом был не крепостью, а клеткой. Нарз сообщил, что все системы связи заблокированы. Гостей не пускали. Продукты привозили раз в три дня под присмотром.

— Ты в осаде, — сказал Нарз. — Но это не навсегда.

— Надеюсь, — ответил капитан, глядя в окно на багровое небо.

А на шахтах началось то, чего боялись многие.

Контракты пришли утром. Тонкие пачки бумаги, напечатанные мелким шрифтом, полные терминов, которые никто не читал до конца.

Условия были простыми. Десять лет работы. Четырнадцать часов в день. Оплата по факту выполненных норм. Штрафы за опоздания, за невыполнение, за разговоры во время смены. Жильё — бесплатно, но при увольнении — выселение. Медицина — за счёт шахты, но только если травма получена при исполнении.

Шахтёры роптали. Но подписывали.

Потому что выбора не было. Вишме скупил все шахты, кроме трёх, которые вот-вот должны были обанкротиться. Работу больше никто не предлагал. Наёмники патрулировали улицы, и слухи о том, что отказников выселяют в лагеря, расплзались быстро.

Первым подписал старый шахтёр — тот самый, что кричал на Вишме на площади. Торк. Он не умел читать. Ему объяснили: подпишешь — будешь жить. Не подпишешь — умрёшь.

Он подписал.

За ним — остальные.

В больнице, в палате интенсивной терапии, Ренер лежал неподвижно.

Но что-то изменилось. Медсестра, дежурившая в ночную смену, заметила, как его палец дрогнул. Один раз. Потом ещё.

Она подошла ближе, взяла его за руку.

— Детектив? — прошептала она. — Вы меня слышите?

Пальцы Ренера слабо сжали её ладонь.

Медсестра замерла. Потом оглянулась — в коридоре никого. Охранник спал на посту. Она достала маленький блокнот и записала: «Ночь с 14 на 15. Реакция на голос. Сжатие пальцев. Сознание возвращается».

Спрятала блокнот. Вышла. Погасила свет.

В темноте палаты Ренер лежал с закрытыми глазами. Но он не спал. Он слышал. Он возвращался.

Медленно. Трудно. Но возвращался.

Глава 5.

Первая кровь

Утро на шахте номер четыре началось с грохота подъёмников и лязга цепей.

Хамфа и Храм висели низко, заливая терриконы багровым и синим. Воздух пах цинтиновой пылью и потом. Но сегодня добавился новый запах. Страх.

У входа стояли двое в чёрном. Без знаков различия, без имён. Автоматы на ремнях, руки в карманах, лица — одинаково равнодушные. Наёмники с Урта. Первая партия, прибывшая три дня назад.

Грузчик по имени Кор замедлил шаг. Невысокий, коренастый, с прожжённой цинтитом кожей на ладонях. Он работал здесь двенадцать лет. Знал каждый штрек, каждую крепь, каждого человека. И знал, когда что-то не так.

— Чего встал? — крикнул бригадир из будки. — Проходи, не задерживай!

Кор не двинулся. Вчера он подписал контракт. Десять лет. Четырнадцать часов. Штрафы за всё. Он не умел читать, но жена показала пальцем на цифры — оплата меньше, чем была при старом хозяине. На треть.

— Я не пойду, — сказал Кор.

Тишина. Даже подъёмники замерли, словно прислушиваясь.

Бригадир вылез из будки, подошёл ближе. Молодой, лет тридцати, с гладко выбритым лицом и глазами, которые уже привыкли не видеть дальше собственного носа.

— Ты что, сдурел? Контракт подписан. За отказ — выселение. И штраф.

— Не пойду. Пусть сначала заплатят, как обещали.

Наёмники переглянулись. Один — постарше, с седыми висками и шрамом через подбородок — вынул руку из кармана и сделал шаг вперёд.

— Ты. Подойди.

Кор не двинулся.

— Я сказал — подойди.

— А я сказал — не пойду.

Наёмник усмехнулся. Не зло — скучно. Будто делал это сотни раз раньше. Может, и делал.

Он шагнул к Кору, схватил за ворот куртки и рванул на себя. Но тот оказался сильнее — упёрся ногами, толкнул в ответ. Наёмник не ожидал такого, пошатнулся, выпустил ворот.

— Ты, — сказал он уже без усмешки, — пожалеешь.

Дубинка — цинтитовая, с тусклым мерцанием — ударила Кора по плечу. Он охнул, но не упал. Вцепился в дубинку, попытался вырвать.

Второй наёмник выстрелил. Не из автомата — из парализатора. Кор рухнул, как подкошенный, глаза закатились, тело забилося в конвульсиях.

— Уберите, — бросил старший бригадиру. — В выселенческие бараки. И пусть запомнит: кто не работает — тот не ест.

Бригадир кивнул, подозвал двух грузчиков. Те подхватили безвольное тело и потащили прочь.

Наёмники вернулись на свои места. Рабочие молча потянулись в шахту.

Никто не сказал ни слова.

Вишме узнал об этом через час.

Сводки от командиров наёмников лежали на столе — короткие, сухие строчки. «Отказ от работы. Применён парализатор. Доставлен в барак №14».

Демон читал вместе с ним. Он всегда читал — через глаза, через мысли.

«Мягко, — сказал он. — В следующий раз — стрелять».

— Я не хочу, чтобы они боялись. Я хочу, чтобы они знали: я не прощаю неповиновения.

«Это одно и то же».

Вишме отложил сводку. Взял следующий документ — список шахт, где ещё не подписали контракты. Три из пятнадцати. Две — на востоке, одна — на юге.

— Эти ещё держатся, — пробормотал он. — Недолго.

Он нажал кнопку вызова. Через минуту в дверь вошёл Хорн — коренастый мужчина со шрамом через всё лицо. Командир наёмников. Он служил ещё отцу Вишме, потом самому Вишме, потом — снова Вишме, когда тот вернулся. Хорн не задавал вопросов. Хорн просто делал.

— Шахта на юге. Владелец — старик, упрямый. Не подписывает контракты, рабочих не отдаёт. Разберись.

— Каким образом?

— Любым. Через три дня шахта должна работать на меня.

Хорн кивнул и вышел.

Демон молчал. Но Вишме чувствовал — он ждёт. Не как раньше. Не как гость. Как хозяин, который позволяет слуге говорить, пока тот не скажет что-то важное.

— Ты что-то хочешь, — сказал Вишме вслух.

«Да, — демон говорил тише обычного. — Я хочу большего. Шахты, наёмники, Совет — это власть. Но не сила. Настоящая сила — в другом».

— В чём?

«Драхмы. Артефакты древних. Я чувствую их. Слабый зов. Где-то на острове. Под землёй. В старых тоннелях».

Вишме замер.

— Что это за драхмы?

«Осколки силы. Пять частей одного целого. Собери их — и ты станешь не просто хозяином острова. Ты станешь бессмертным. Я обещаю».

— А если я откажусь?

Демон не ответил. Но Вишме почувствовал, как что-то внутри сжалось — холодное, чужое. Не боль. Угроза.

«Ты не откажешься, — сказал демон наконец. — Ты уже мой. Просто ещё не понял».

Вишме подошёл к окну. Город внизу жил своей жизнью — серой, усталой. Люди шли по улицам, не поднимая глаз. Где-то дымили трубы шахт. Где-то патруль проверял документы.

— Хорн, — позвал он.

Командир вернулся.

— Ещё одно дело. Обыскать старые тоннели. Те, что под шахтами. Найдёшь что-то необычное — принесёшь мне.

— Что именно?

— Не знаю. Но я почувствую. Иди.

Хорн кивнул и вышел.

«Хорошо, — сказал демон. — Ты начинаешь понимать».

В больнице, в палате интенсивной терапии, Ренер открыл глаза.

Первое, что он увидел, — потолок. Серый, с трещинами. Потом — окно. Багрово-синий свет двух звёзд. Потом — своё тело. Трубки, провода, капельница.

Он попытался пошевелиться. Тело не слушалось. Мышцы были как ватные. Но пальцы двигались.

Он сжал и разжал кулак. Медленно. Трудно. Но получилось.

Дверь открылась. Вошла медсестра — молодая, худощавая, с усталым лицом и тёмными кругами под глазами. Она несла поднос с лекарствами. Увидев открытые глаза Ренера, замерла.

Поднос дрогнул в её руках.

— Вы... — прошептала она.

Ренер посмотрел на неё. Долго. Потом разжал губы.

— Тише, — сказал он. Голос был хриплым, чужим. — Не зови никого.

Медсестра — её звали Лира — поставила поднос на стол. Оглянувшись на дверь. В коридоре охранник — молодой, с автоматом. Спит.

Она подошла ближе.

— Вы в сознании, — сказала она тихо. — Давно?

— Не знаю. Только что очнулся.

— Врач придёт утром. Если он увидит...

— Он не увидит. — Ренер попытался приподняться. Боль прострелила бок. Он замер, пережидая. — Ты можешь не говорить ему.

Лира смотрела на него. В её глазах было что-то — не страх. Что-то другое. Усталость. И ещё — искра.

— Почему я должна молчать?

— Потому что Вишме. Он убил мою сестру. — Ренер замолчал, собираясь с силами. — Точнее, я убил. Но не по своей воле. Долго рассказывать. Просто... если он узнает, что я очнулся, он пришлёт кого-нибудь. И тогда я не выживу.

Лира молчала. Она смотрела на него — на худое лицо, на впалые щёки, на глаза, которые горели не лихорадкой, а чем-то другим. Упрямством.

— Я не буду звать врача, — сказала она наконец. — Но вам нужно восстановиться. Если вы хотите бежать — вы должны быть сильнее.

— Я знаю.

Она взяла его руку, проверила пульс. Пальцы у неё были тёплые, мягкие. Не такие, как у него — жёсткие, в мозолях, с застарелой кровью под ногтями.

— Я буду приходить ночью. Тренировать вас. Помогать. Но вы должны слушаться.

— Слушаться?

— Да. Если я скажу — отдыхать, вы будете отдыхать. Если я скажу — не двигаться, вы не будете двигаться. Иначе вы умрёте. А я не хочу, чтобы вы умерли.

Ренер посмотрел на неё. Долго. Потом кивнул.

— Хорошо.

Она встала, взяла поднос.

— Я вернусь ночью. Не спите.

Дверь закрылась. Ренер остался один. Он лежал и смотрел в потолок. Трещины. Серый камень. Багровый свет за окном.

Он снова сжал и разжал кулак.

Завтра — больше.

Ночью Лира вернулась.

Она принесла воду, хлеб, бинты. Закрыла дверь, задёрнула штору. Охранник в коридоре спал — она подсыпала ему что-то в кофе. Не яд. Просто снотворное.

— Садитесь, — сказала она. — Медленно.

Ренер сел. Голова закружилась, но он удержался.

— Хорошо. Теперь сожмите мою руку. Сильно.

Он сжал. Слабо.

— Ещё раз. Сильнее.

Он сжал сильнее. Пальцы задрожали, но он держал.

— Хорошо. — Лира улыбнулась. — Завтра будет лучше.

Она села рядом. Помолчала.

— Расскажите, — сказала она. — Что случилось? Почему Вишме вас ненавидит?

Ренер закрыл глаза. Вспомнил. Скалу. Стару. Бремора. Падение.

— Это долгая история.

— У нас есть время.

Он рассказал. Всё. О Старе, которая оказалась Кривым Глазом. Об амулете. О Бреморе, который спас его ценой своей жизни. О Вишме, который выжил и вернулся. О том, что теперь в его теле — демон.

Лира слушала. Не перебивала. Когда он закончил, она долго молчала.

— Значит, вы убили его сестру.

— Да. Она была чудовищем. Но она была его сестрой.

— И теперь он мстит.

— Да.

— А вы? Вы хотите отомстить?

Ренер посмотрел на неё.

— Я хочу остановить его. Мстить — бессмысленно. Бремор мёртв. Стара мёртва. Ещё одна смерть ничего не изменит. Но если Вишме останется у власти — он уничтожит остров. И всех, кто здесь живёт.

Лира кивнула.

— Я помогу вам. — Она взяла его руку. — Но вы должны пообещать мне одну вещь.

— Какую?

— Когда всё закончится — вы не станете таким, как он. Вы не заберёте власть. Вы не станете диктовать. Вы просто уйдёте.

Ренер молчал. Потом сказал:

— Я не хочу власти. Я хочу справедливости. Это разные вещи.

— Хорошо. — Она встала. — Тогда начнём. Завтра — упражнения для рук. Послезавтра — для ног. Через неделю вы сможете ходить. Через две — бегать.

— А через три?

— Через три вы сможете драться. Если будет нужно.

Она вышла. Ренер остался один. Он сжал кулак. Сильнее, чем вчера.

Завтра — больше.

Глава 6.

Кнут и пряник

Утро выдалось серым.

Вишме стоял у окна кабинета, глядя на город. Хамфа едва пробивалась сквозь тучи — багровое пятно, размытое, как кровь на мокрой ткани. Храм пряталась за ней, холодная и бледная. Дождь не шёл, но воздух был тяжёлым, влажным, пропитанным цинтитовой пылью.

Демон молчал с ночи. Но это было не молчание усталости. Другое. Он ждал.

«Ты должен выйти к ним, — сказал он наконец. — Не в кабинет. К людям. Пусть видят твоё лицо».

— Я и так выхожу.

«Не так. Не с охраной. Не с проверкой. С обещаниями. Ты дал им страх. Теперь дай надежду. Запомни: кнут без пряника — это бунт. Кнут с пряником — это власть».

Вишме отвернулся от окна.

На шахту номер один он приехал к полудню.

Не с проверкой — с премиями. Конверты, набитые цинами, лежали в сумке. Он раздавал их лично — каждому в руки. Рабочие брали, не поднимая глаз. Кто-то бормотал слова благодарности. Кто-то молчал.

Торк получил свой конверт последним.

— Ты думаешь, это меня купит? — спросил он тихо.

— Нет. Но это накормит твою семью.

— У меня нет семьи. Сыновья погибли. Жена умерла. Только я остался. И я не продаюсь.

Вишме посмотрел на него. Старик не отводил взгляда. В его глазах не было страха — только усталость и что-то ещё. Презрение.

— Тогда зачем взял?

— Потому что я не дурак. Деньги нужны, чтобы жить. А жить я хочу, чтобы увидеть, как ты сдохнешь.

Вишме не ответил. Развернулся и пошёл к Церту.

«Он тебя ненавидит, — сказал демон. — Это хорошо. Ненависть — это тоже внимание».

— Мне не нужно его внимание. Мне нужна его работа.

«Ты получишь и то, и другое. Он будет работать. И ненавидеть. Пока не сломается».

В подполье о премиях узнали к вечеру.

Штам сидел на ящике, вертя в руках пустую кружку. Дот и Сур — напротив. Фонарь на столе мигал — садилась батарея.

— Он перекупает их, — сказал Штам. — Деньгами. Это хуже, чем страх. Голодного можно поднять на бунт. Сытого — нет.

— Значит, нужно, чтобы они снова стали голодными, — мрачно пошутил Сур.

— Не смешно.

— Я и не смеюсь.

Штам отставил кружку.

— Как там Дарс?

— Нарз говорит, он в порядке, — ответил Сур. — Следит за событиями. Ждёт.

— Чего ждёт?

— Ренера. Пока он в коме, мы ничего не можем сделать. Но если он очнётся...

— Он может не очнуться, — напомнил Дот.

— Может, — согласился Штам. — Но мы должны верить.

Сур встал, поправил куртку.

— Я попробую ещё раз. Через тоннель. Может, на этот раз получится.

— Будь осторожен. Хорн знает про ход.

— Знаю. Поэтому пойду другим путём.

Он скрылся в темноте. Штам смотрел ему вслед, и в его глазах была усталость. Не от недосыпа. От ожидания.

Ночью Лира пришла снова.

Она вошла тихо — охранник спал, подсыпанное снотворное работало безотказно. Закрыла дверь, задёрнула штору. В руках — свёрток: бинты, вода, немного хлеба.

Ренер сидел на кровати. Уже не лежал. Спина прямая, руки на коленях. Дышал ровно.

— Сегодня — ноги, — сказала она. — Попробуйте встать.

Он опустил ноги на пол. Холодный кафель обжёг ступни. Медленно, держась за кровать, поднялся. Пошатнулся. Но устоял.

— Хорошо. Теперь шаг.

Он сделал шаг. Второй. Третий. До стены. Прислонился, тяжело дыша.

— Ещё.

Он вернулся. Сел. Руки дрожали.

— Завтра — больше, — сказала она.

Он кивнул. Помолчал. Потом спросил:

— Ты можешь передать сообщение?

Лира насторожилась.

— Кому?

— Штаму. Он в порту. Старый склад у причала номер три. Скажи... скажи, что я очнулся. Что буду готов через две недели. Пусть ждут.

— Как я его найду?

— Спроси Марту. Хозяйку таверны «Ржавый гвоздь». Она знает.

Лира молчала. Потом кивнула.

— Я сделаю. Но это опасно.

— Знаю. — Ренер посмотрел на неё. — Если не хочешь — не надо.

— Я сделаю, — повторила она. — Отдыхай. Завтра — снова.

Она вышла. Ренер остался один. Он сжал кулак. Сильнее, чем вчера.

Через два дня Хорн пришёл с докладом.

Вишме сидел в кабинете, разбирая бумаги. Демон молчал — но это молчание было тяжёлым, как перед бурей.

— Господин Торн. Мы обыскали тоннели под шахтами. Три группы. Везде пусто. Кроме одного места.

Вишме поднял голову.

— Где?

— Старая шахта на южном тракте. Зброшена. Там есть ход вниз. Глубокий. Мы нашли сундук.

— Сундук?

— Старый. Обитый железом. Замок сломан. Внутри — свитки. Древние. Мы не смогли прочитать.

Вишме встал.

— Принеси.

Хорн вышел. Вернулся через минуту с металлическим ящиком. Открыл. Внутри — два свитка. Пожелтевшие, перевязанные кожаными шнурками. И больше ничего.

Вишме взял один, развернул. Текст на незнакомом языке — витиеватые буквы, символы. Он не понимал ни слова.

«Дай мне, — сказал демон. — Я прочитаю».

Вишме закрыл глаза. Он почувствовал, как что-то внутри него — чужое, древнее — тянется к свитку. Слова начинали складываться в образы. Не в речь. В понимание.

«Медальон Пожиратель Душ, — демон говорил медленно, будто читал по слогам. — Тот, что на твоей шее. Он даёт силу. Но требует плату. Об этом здесь. И ещё — Сфера Гибель Народов. Она может победить армии. Одним ударом. Но как — не сказано. Только намёк».

— Что ещё?

«Всё. Остальное — пустое. Никаких координат. Никаких имён. Просто описание. Кто-то писал это очень давно. И не хотел, чтобы нашли».

Вишме свернул свиток.

— Что с остальными? В сундуке было что-то ещё?

Хорн покачал головой.

— Только это. И пустая шкатулка. Мы всё осмотрели.

Вишме кивнул.

— Хорошо. Оставь свитки. Сундук не трогай. Пусть лежит, где лежал. Продолжай поиски. Мне нужно всё, что связано с драхмами. Всё.

Хорн вышел. Вишме остался один. Он смотрел на свитки. На древние символы. На слова, которые не понимал, но чувствовал.

«Ты найдёшь их, — сказал демон. — Ты соберёшь все пять. И тогда...»

— Тогда что?

«Тогда я стану свободным. А ты — бессмертным».

Вишме не ответил. Он смотрел на свитки и думал о том, что демон не сказал всей правды. Он всегда что-то не договаривал. Но это не имело значения. Пока.

В больнице Ренер сделал десять шагов без поддержки.

Лира стояла рядом, готовая подхватить. Но он не падал. Шёл. Медленно, тяжело, но шёл.

— Хорошо. Ещё пять.

Он сделал ещё пять. Потом сел. Дышал тяжело, но улыбался.

— Завтра — двадцать.

— Не гони, — Лира покачала головой. — Ты не железный.

— Знаю. Но времени мало.

Она села рядом. Помолчала.

— Я нашла Штама. Передала сообщение. Он сказал — ждут.

Ренер кивнул.

— Спасибо.

— Не благодари. Просто выживи.

Он посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Ты не обязана помогать. Я тебе никто.

— Ты — человек, которому нужна помощь. Этого достаточно.

Он не ответил. Но что-то в его глазах изменилось. Тепло. Не то, что даёт Хамфа. Другое. Человеческое.

За окном багрово-синий свет двух звёзд заливал город. Где-то далеко, в тоннелях, Хорн искал драхмы. Где-то в особняке Вишме читал свитки. Где-то в подполье Штаб ждал сигнала.

А в маленькой палате больницы Ренер учился ходить. И Лира училась верить.

Глава 7.

Тени над городом

Наёмники пришли на рассвете.

Пятьдесят человек выгружались из транспортных Цертов молча, без суеты. Чёрная униформа, автоматы на ремнях, лица — одинаково равнодушные. Хорн стоял у трапа, сверял списки. Работа шла быстро — эти люди знали своё дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.